5

СВОИМ ПУТЕМ

ТЕАТР[redacted]

Народный артист СССР Николай Иванович Якушенко, посмотрев «День чудесных обманов» в Бугульминском театре драмы, сказал изумленно и радостно: «Черт возьми, в этом коллективе есть трепетные сердца!»

В отзыве большого и чуткого художника сцены очень метко схвачена «важная жилка» в организме театра. Трепетные сердца! Именно об этом думаешь прежде всего после спектакля.

И пусть часто тому или иному актеру не хватает мастерства, пусть очень уж явственно проглядывают ошибки режиссера, этому театру прощаешь многое, ибо есть главное: горение трепетного сердца, праздничность, творческий порыв, то-есть то, что, собственно, и дает искусству жизнь.

Гастроли бугульминцев в столице нашей республики — событие радостное и знаменательное. Ряд лет работал в Бугульме молодой театр, его знали и любили нефтяники Татарии, упорно не замечали газетные и журнальные критики, равнодушно глядели на него наши большие театры.

И вот в майские дни 1959 года снова приехали в Казань бугульминцы, и все увидели — родился театр — настоящий, интересный, приносящий эстетическое наслаждение. Это было подлинное открытие театра, открытие его казанским зрителем, театральной общественностью республики. И мы видели, как любовь зрителей окрылила артистов.

И все-таки огорчают пробелы в репертуаре. И пробелы весьма серьезные. Непростительно театру, работающему много лет в нефтяных районах, ежедневно общающемуся с нефтяниками, не поставить ни одного спектакля об одном из самых героических отрядов рабочего класса.

Опыт показал, что если театр пассивно ждет, когда появится желаемая пьеса, он ее никогда не получает. Надо добиваться творческих контактов с местными драматургами, звать писателей к себе, помогать им в освоении «нефтяного материала». И наконец, почему бы кому-нибудь из режиссеров и актеров не дерзнуть написать пьесу о нефтяниках в содружестве с драматургом?

Обидно мало спектаклей о дне сегодняшнем, о строителях коммунизма. А ведь эта тема — пробный камень творческой зрелости театра. Слишком щедрая дань отдается детективу — «Опасная профессия», «Опасная встреча».

Мы не осуждаем детектив как жанр. Мы говорим о пьесах, где логика характеров подменяется нанизыванием всяческих страхов. Такой спектакль, как «Опасная встреча», не только портит вкусы зрителя, но и лишает актеров творческой почвы. В самом деле, талантливый артист В. Барский в подпрыгивающей, дергающейся походочке, в посвистывании, в хищном прищуре сразу создает внешний облик духовно растленного человека. Но только внешний. Играть, по сути дела, нечего. Артист Б. Кольцов, играющий представителя иностранной разведки, с первой и до последней сцены ведет свою роль на одной ноте — интонационной и психологической. Он играет эдакого «страшного злодея», который, чем более рычит, тем менее страшен.

Гастроли начались «Гибелью эскадры» А. Корнейчука. Мы видали эту пьесу на сценах столичных театров. Тем более удивило нас то, что бугульминцы сумели сделать малыми силами. Тут одной творческой смелости недостаточно, здесь нужен и талант.

Когда в прологе прозвучали первые слова матроса (В. Барский), слова, исполненные пафоса борьбы и революционной страсти, в этой героико-романтической запевке мы почувствовали атмосферу героической эпохи. Театр, взявшись за постановку трудной и сложной пьесы, смело, скажем даже, дерзко заявил о своем праве на нее, праве, выстраданном годами поисков, мучительного роста и собирания творческого коллектива. Это тот самый пот, который не отличает актера от хлебопашца или каменотеса, с той только разницей, что у актера следы пота исчезают с открытием занавеса.

К сожалению, «следы пота» явственно видны в первой сцене, когда матрос Нагар, связанный с буржуазно-националистическими элементами, агитирует за мятеж против советской власти. И сцена эта поставлена без накала страстей, и артист М. Каюров бесстрастен, неубедителен. Плох эпизод смерти комиссара. Превосходно написанная Корнейчуком, эта узловая сцена первого действия призвана установить тот контакт со зрительным залом, когда он становится участником трагедии и наиболее эмоционально «сопереживает» события. Артист Б. Кольцов не нашел тех бесценных художественных деталей, которые создают атмосферу искусства. В результате, зритель остается спокойным там, где он должен испытывать волнение. И уже совсем неудачна финальная сцена с флагами, отдающая дань безвкусице и шаблону. Так отдельные плохие сцены смещают идейно-художественный акцент в целом интересного спектакля.

К чести театра надо сказать, что большинство сцен поставлено отлично. Спектакль идет в хорошем темпе. Образ матроса Гайдая, созданный заслуженным артистом ТАССР В. Плешуновым, волнует и убеждает большой человеческой правдой. Его Гайдай — сама пылкая и беззаветная страсть революции, он несет в себе гнев и бесстрашие угнетенных, поднявшихся на смертный бой со старым миром. И вместе с тем в нем еще много стихийности, он легковерен и неразборчив в людях. Плешунов нашел интересную психологическую деталь: Гайдай, принуждая [redacted] офицеров» выполнять указания [redacted] революционного комитета, часто простодушно улыбчив и беззлобен. Добрый по характеру, он еще не проникся глубоким сознанием непримиримости и беспощадности борьбы со старым миром. Эта стихийность Гайдая и явилась благоприятной почвой для боцмана Кобзы, сумевшего убедить Гайдая не подчиниться решению комитета. В сцене гибели Оксаны Плешунов достигает огромной трагедийной силы. «Ты что же это наделал?» — спрашивает он у боцмана Кобзы, спрашивает тихим голосом, как бы очнувшись от сна, и в каждом его движении видно запоздалое, трагическое прозрение. Обняв холодную сталь корабельной башни, Гайдай все время до закрытия занавеса остается неподвижен в тяжелом горе вины перед революцией.

Артист И. Кузнецов играет боцмана Кобзу со сдержанностью и выразительностью подлинного мастера.

Очень выразительны Фрегат и Паллада (Е. Тимофеев, В. Чумаков). Артистка Н. Федорова в роли Оксаны непосредственна, темпераментна, но молодой актрисе не хватает глубины и многоцветия психологических красок. Радует, что именно этим — многоцветьем психологических красок — богаты многие актеры Бугульминского театра. Мы уже говорили о В. Плешунове, И. Кузнецове. Надо назвать М. Шенникова (Стрыжень), В. Барского (мичман Кноррис), Н. Карнакова (боцман Бухта), А. Гая (контр-адмирал Гранатов).

Уместно начать разговор о перевоплощении актера, о широте диапазона и богатстве палитры. Выдающийся советский артист Певцов говорил, что надо уметь находить прелюдию к слову. Поисками «прелюдии к слову» и характерна работа названных нами актеров. Мичман [redacted] Кноррис, инженер Юрьев, дон Фернандо В. Барского наделены индивидуальными чертами, острой характерностью. И нигде он не повторяется — ни во внешнем рисунке, ни в психологической трактовке образа.

Заслуженный артист ТАССР Н. Карнаков, безусловно, сильнейший артист театра. Вспомним боцмана Бухту с его любовью к чистоте и порядку. И хотя внешне может показаться бессмысленной и нелепой его команда «драить палубу» перед потоплением корабля, но в ней заложен великий символ любви моряков к родному флоту, веры в грядущий день, который поднимет корабли со дна морского.

Низамутдин в «Мусе Джалиле» — эпизодическая роль. Но в этом старом бойце — татарине огромная духовная сила, олицетворенная совесть и мудрость народная.

Снабженец Куличек в «Сердца должны гореть» — тоже эпизодическая роль. Но как запоминается зрителю Куличек с его характерностью жеста, манерой говорить, жизненной достоверностью.

Дон Джеромо в «Дуэнье». Грозный и добрый, веселый и неуступчивый, лукавый и доверчивый. И эта манера тяжеловесно высказывать свои мысли, создающая комический контраст. Словом, характер, переливающийся, как хрусталь на солнце, многими оттенками.

Те же качества отличают артиста В. Тимофеева. У него, на первый взгляд, неяркие, как бы приглушенные краски, но, собранные в художественном образе, они играют тем внутренним светом, который отличает рубин от простого камня. Для Тимофеева характерна сдержанность внешних проявлений чувств, иногда эта сдержанность даже чрезмерна, но чаще она помогает ему [redacted] создавать образ. Такова роль Мусы в спектакле «Муса Джалиль».

Мы, казанцы, еще находимся под обаянием Мусы — Провоторова — горячего, веселого и порывистого. Казалось бы, молодой актер мог пойти по следам зрелого мастера, повторить его манеру, его интонации. Но Тимофеев идет своим путем. Основная режиссерская и актерская концепция роли Мусы в Бугульминском театре — углубленность поэта в мир художественных образов и мыслей, раздумье. Муса — Тимофеев никогда не говорит громко, даже когда читает стихи. Раздумье над жизнью не отдаляет Мусу от нее, потому что это раздумье активное, выливающееся в огневые стихи, в бесстрашные дела. И режиссер Барский и актер Тимофеев превосходно подали художественное своеобразие пьесы Н. Исанбета.

Бекер Хайфуллин В. Плешунова всегда уверен в непогрешимости своих суждений, он всегда произносит истину, так сказать, в последней инстанции, даже о своем народе он говорит с налетом пренебрежения. Интересно, что с товарищами он берет тон важного руководящего лица, зато при появлении представителя обкома партии Зарипова Хайфуллин преображается. Плешунов едва уловимыми деталями показывает это преображение. Движения его становятся мягче, настороженней. И в походке и в манере говорить и слушать есть что-то от неискреннего, зыбкого характера, тонкую вязь которого создает артист. Путь Хайфуллина к предательству четко вычерчен драматургом, и это помогло Плешунову добиться сценического успеха.

Заслуживает теплого слова работа молодой актрисы В. Бухало в роли Гульгуны и М. Шенникова в роли писателя Ильстана. Зритель полюбил Газизу в исполнении отличной актрисы В. Васильевой.

[redacted] К сожалению, не всегда удача драматурга автоматически предполагает и удачу актера.

Эмигрант Альбиков поблек в исполнении артиста Б. Кольцова. Он досадно однообразен, в его игре нет подтекста, этой мускулатуры искусства. Такой же упрек следует адресовать и Н. Нефедову.

В режиссуре Бугульминского театра нравится стремление идти своим путем, говорить своим голосом. Этот принцип ведет к неустанным поискам смелого и верного решения темы. Нам остается сказать последнее и, может быть, самое насущное. Родился театр. Молодой, талантливый, растущий. Теперь время выдвигает перед ним властное требование: найти свое лицо; в искусстве живет долго и заслуживает уважения только то, что отличается «лица необщим выраженьем».

И нам думается, что Бугульминскому театру выпала счастливая возможность обрести свое лицо. Тема нефтяников Татарии, духовной красоты советского человека — вот будущее лицо творческого коллектива бугульминцев. Если театр сумеет «поднять» ее, воспеть талантливо, со всей силой молодого и влюбленного сердца — он обретет свой голос, который отличишь в огромном, многоликом хоре советских театров.

Мы будем ждать новых встреч с талантливым коллективом и мечтать о том дне, когда тема нефтяников Татарии, ныне «целинная», будет «распахана».

Итак, за целинный урожай, товарищи бугульминцы!

Ян ВИНЕЦКИЙ.

Советская Татария
3 стр. 10 июня 1959 года

Советская Татария г. Казань